

Рец. на кн.: СЕРГЕЙ ШТЫРКОВ. РЕЛИГИЯ,
ИЛИ УЗЫ БЛАГОЧЕСТИЯ. СПб.: Изд-во Европ. ун-та
в Санкт-Петербурге, 2021. 172 с. (Азбука понятий)

Владислав Станиславович Раздьяконов

Российский государственный гуманитарный университет

6 Миусская пл., Москва, Россия

razdyakonov.vladislav@gmail.com

Аннотация: Рецензируемая книга посвящена современной академической дискуссии о содержании и границах применимости понятия «религия». Опираясь на известные зарубежные исследования, автор демонстрирует исторические особенности бытования понятия «религия» в Античности, Средние века и Новое время и знакомит читателя с критической теорией понятия «религия», представляя ее современное состояние на примерах различных исторических кейсов. Особое внимание уделено формированию представлений о «религии» и «религиях» в рамках классического религиоведения конца XIX столетия. В рецензии обсуждаются аксиомы современного конструктивизма: отмечая их значение для современной полемики о границах и назначении гуманитарного знания, рецензент предлагает критически взглянуть на наиболее радикальные конструктивистские утверждения.

Ключевые слова: религия, конструктивизм, антропология, христианство, теория религии.

Для ссылки: Раздьяконов В. Рец. на кн.: Сергей Штырков. Религия, или Узы благочестия. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 172 с. (Азбука понятий) // Антропологический форум. 2022. № 53. С. 221–232.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-53-221-232

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/053/razdyakonov_1.pdf

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2022, NO. 53

**A Review of SERGEI SHTYRKOV, RELIGIYA, ILI UZY BLAGOCHESTIYA
[RELIGION: THE BONDS OF PIETY].**

St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2021, 172 pp.

(Azbuka ponyatiy [ABC of Concepts])

Vladislav Razdyakonov

Russian State University for the Humanities

6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia

razdyakonov.vladislav@gmail.com

Abstract: The book provides an overview of the modern academic discussion of the content and limits of the applicability of the concept of “religion”. The author demonstrates the historical features of the concept of “religion” in Antiquity, the Middle Ages, and Modernity. The book introduces the reader to modern critical theory of the concept of “religion” and illustrates its current consensus with various historical cases. The author pays attention to the problem of the genesis of the concepts of “religion” and “religions” within the framework of classical religious studies of the late 19th century. The review focuses on the axioms of modern constructivism, points out their importance for the recent debate on the limits and purpose of humanities-oriented knowledge, and offers a critique of the most radical constructivist assertions.

Keywords: religion, constructivism, anthropology, Christianity, theory of religion.

To cite: Razdyakonov V., ‘A Review of Sergei Shtyrkov, *Religiya, ili Uzy blagochestiya* [Religion: The Bonds of Piety]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2021, 172 pp. (Azbuka ponyatiy [ABC of Concepts]), *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 53, pp. 221–232.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-53-221-232

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/053/razdyakonov_1.pdf

Рец. на кн.: **Сергей Штырков**. *Религия, или Узы благочестия*. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 172 с. (Азбука понятий)

Рецензируемая книга посвящена современной академической дискуссии о содержании и границах применимости понятия «религия». Опираясь на известные зарубежные исследования, автор демонстрирует исторические особенности бытования понятия «религия» в Античности, Средние века и Новое время и знакомит читателя с критической теорией понятия «религия», представляя ее современное состояние на примерах различных исторических кейсов. Особое внимание уделено формированию представлений о «религии» и «религиях» в рамках классического религиоведения конца XIX столетия. В рецензии обсуждаются аксиомы современного конструктивизма: отмечая их значение для современной полемики о границах и назначении гуманитарного знания, рецензент предлагает критически взглянуть на наиболее радикальные конструктивистские утверждения.

Ключевые слова: религия, конструктивизм, антропология, христианство, теория религии.

Некоторые исследователи религии по меньшей мере с 1960-х гг. активно занимаются исследованием онтологических и гносеологических оснований религиоведения, используя тезисы постпозитивистской философии науки, социологии научного знания, а также иных академических дисциплин, критически оценивающих устоявшуюся с конца XIX столетия дискурсивную границу «научного» и «внеаучного» знания [Boghossian 2006]. Корни этого «подрывающего основания» тренда, некогда бывшего революционным, но ставшего к настоящему времени вполне традиционным и уважаемым, уходят, с одной стороны, в сциентистскую по своей основной интенции потребность в точном знании о природе изучаемых явлений, с другой — в скрытое «бессознательное» гуманитарных наук, потребность в сохранении культурного многообразия как необходимого условия не только для культурного диалога, но и для существования самих гуманитарных дисциплин, озабоченных решением проблемы культурного перевода. За прошедшие полстолетия на Западе было написано много сочинений, посвященных разного рода критической переоценке религиоведческого проекта Макса Мюллера,

**Владислав Станиславович
Раздьяконов**
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия
razdyakonov.vladislav@gmail.com

Эдварда Тайлора и Эмиля Дюркгейма. Одним из средств такой переоценки стало исследование генезиса понятия «религия», призванное показать культурную ангажированность естественно-научной и символической теории религии. В последние десятилетия переоценка понятия «религия» прочно связана с критикой секулярного видения развития религии [Asad 2001: 221–222] и с требованием выработки нового, более инклюзивного религиоведческого консенсуса, способного воздать должное взглядам на религию представителей разных религиозных объединений.

В России, надо признать, с подобного рода исследованиями дела обстоят хуже. Причина не столько в известном «отставании» от значимой для многих ученых европейской моды, сколько в неготовности принимать сложившиеся правила актуальной гуманитарной языковой игры, нацеленной на отказ от центризма любого рода, европейского и христианского в первую очередь. Если в странах Европы и США лингвистический поворот привел в том числе к возрождению интереса к истории религиоведения, то в России этот интерес остается достаточно слабым. Безотносительно причин такого положения дел труд антрополога Сергея Штыркова, посвященный истории понятия «религия», можно считать глотком свежего воздуха для тех, кто совершенно не знаком с представленной в нем проблематикой. Кроме того, этот труд может быть интересен и тем, кому хорошо известны зарубежные сочинения, использованные Штырковым, и кто может оценить объем и характер проделанной им работы.

Книга Сергея Штыркова появилась в научно-популярной серии, призванной познакомить широкую публику с современными дискуссиями о ключевых понятиях современности. Научно-популярный характер способствовал максимально возможному упрощению сложной истории понятия «религия», превратив ее изложение в ясный, но немного плоский пересказ основных тезисов наиболее известных трудов таких исследователей, как У.К. Смит, У. Кавано, Т. Фицджеральд, П. Харрисон, Б. Нонгбри и др. Будучи специалистами по конкретным историческим периодам и религиям, все они принадлежат в общем к одной эпистемологической традиции, призванной посредством исторической методологии и современной антропологической оптики развенчивать отвлеченный эссенциализм и историко-культурный ангажемент. Проекты этих авторов отличаются разной степенью «жесткости» по отношению к понятию «религия» — от призыва к рефлексии о границах применимости понятия до отрицания его аналитической и дескриптивной ценности. Высоко оценивая изложение Сергеем Штырковым подобных конструктивистских взглядов, я, однако, хотел бы, чтобы в книге было представлено больше голосов тех исследо-

вателей, которые выступают в защиту феномена религии как необходимого условия существования религиоведения как академического проекта [Schilbrack 2010].

Необходимость писать упрощенно способствовала излишней прямолинейности монографии. История развития понятия «религия», вопреки утверждениям самого автора, что «единой истории понятия “религия” не существует» (С. 171), стала обретать телеологичность, характерную для большого нарратива, выстроенного в соответствии с революционной моделью развития науки. Телеологичность эта негативистская — история понятия «религия» предстает как история культурных заблуждений, возникающих под влиянием внешних по отношению к пониманию «религии» факторов, таких как интересы римской модели управления, христианская теология и секуляризм. В конечном счете все выявленные автором «парадигмы» — «античная», «христианская», «секуляристская» — оказываются сконструированы условными «родоначальниками» — Цицероном, Фомой Аквинским и Джоном Локком — для удовлетворения субъективной и ценностной политической потребности «человека Запада».

Научно-популярный характер сочинения Сергея Штыркова позволил высветить известные трудности конструктивистского подхода в религиоведении. Серия «Азбука понятий» априорно предполагает наличие некоего базового «понятия», и действительно, мы находим определение «религии» на первой странице книги. Как верно отметил в своей статье А.В. Аполлонов, критиковавший определение религии У. Кавано¹, по крайней мере некоторые конструктивисты создают удобные для них понятия о религии, которые они в дальнейшем с успехом развенчивают [Аполлонов 2011: 110]. Можно быть уверенным, что с определением Сергея Штыркова² не согласится львиная доля религиоведов самых разных онтологических и гносеологических убеждений [Рахманин 2017]. Штырков хорошо это понимает, поэтому в самом конце книги подвергает сомнению тезис, который разделяли «Талал Асад и его единомышленники» (С. 166), — представление об «устойчивости» и «единстве» критикуемого ими концепта. Стоит лишь добавить, что, поскольку конструктивисты часто говорят о современном состоя-

¹ Согласно А.В. Аполлонову, У. Кавано определял религию как «набор убеждений, являющийся личным делом человека и существующий отдельно от лояльности государству» [Аполлонов 2011: 110].

² Штырков предлагает следующее определение религии: «Религия — это особая сфера человеческой деятельности, которая основывается на вере в существование чего-то (например, личности или принципа), что в обычных условиях недоступно для непосредственного наблюдения, но при этом имеет ключевое значение для жизни людей и того, что их окружает» (С. 2 обложки).

нии западной культуры как о состоянии «постсекулярном», затруднительно говорить о широком распространении и публичном доминировании любых секулярных по своему происхождению определений, так же, впрочем, как и о мнении по этому вопросу некоего «среднего европейца» (С. 164).

Вопрос о понятии «религия» в таком случае можно рассматривать в идеологической плоскости: зачем создавать определение, объявлять его претендующим на универсальность, а после заниматься просветительским критицизмом? Простым ответом на этот вопрос может послужить указание на главный миф модерна, объявляющего изменение одновременно и природной необходимостью, и способом бытия человека в окружающем его мире. Этот миф требует постоянного повторения фольклорного сюжета: для того чтобы быть услышанным, необходимо не только, как верно напоминает Сергей Штырков, сказать нечто «новое», но и опровергнуть «старое» — повергнуть «злодея» и спасти «принцессу», и в таком вечном преодолении «последней границы» (*final frontier*, как говорили про космос в сериале “Star Trek”) конструктивистская традиция черпает свои силы уже более пятидесяти лет.

Главной мишенью критики понятия «религия» (и это хорошо демонстрирует книга Штыркова) является европейский колониализм. Политическая критика религиоведческой теории сопрягается с требованием защиты взглядов изучаемых европейцами народов, которые до появления европейцев не имели никакого представления о «религии» и были, так скажем, «поевропейски» определены и посчитаны благодаря научной теории. Признавая ценность защиты взглядов Другого как важную этическую и отчасти методологическую установку, следует отметить, что у многих народов до появления европейцев не было, помимо «религии», и многих других понятий, например понятий естественных наук, которые, однако, стали частью теоретического наследия человечества, доказав свою полезность и важность. Никто не покушается на эти понятия, хотя они также с генетической точки зрения являются порождением европейской метафизики и в некотором смысле даже еще более «принуждают» к повиновению, чем понятия гуманитарных и общественных дисциплин.

Тезис о «символической нечистоте» и культурной обусловленности антропологических теорий приводит к плачевному выводу для самой антропологии: начав с защиты Другого и дойдя до отрицания ключевых понятий, она прощается с самой собой. Отказ от *ошибочного* понятия «религия», безусловно, ведет к лучшему пониманию феномена. Однако отказ от самого феномена — основы теоретической оптики религиоведения — при-

водит к уничтожению любой теории как таковой, оставляя нас обезоруженными и опустошенными перед лицом традиции, которую нам остается слепо воспроизводить, чтобы иметь право претендовать на ее понимание. Подлинное понимание возможно лишь как обоюдоострый акт, в котором сам исследователь также является необходимым элементом. Даже если культура «защита» в нашу теорию, следует ли полностью отказываться от культурной нагруженности теории, стремясь освободиться от собственной культуры как от какой-то скверны? Не лучше ли избрать в качестве «срединного» пути между Сциллой Другого и Харибдой Себя столь свойственный европейской культуре путь переговоров, постоянного самоопределения себя через диалог с объектами нашего опыта? В конечном счете разве наука не создана для человека и, если она для него создана, почему же из человечества оказывается исключенным ученый? И, стоит добавить, почему оказывается исключенным из этого диалога хотя бы и условный «средний европеец», так, как будто, находясь в позиции исследователя, он уже не имеет права на самого себя? Кризис теории — это симптом кризиса культурной идентичности, без разрешения которого невозможно формирование новой гуманитарной парадигмы исследований религии.

Многие определения «религии», безусловно, генетически связаны и с христианской культурой, и с вненаучным, в том числе колониальным, ангажементом, однако мне представляется странным в этом факте исторической наследственности усматривать родовую скверну, от которой следует очищать себя так, как Бэкон очищал наше познание, разбивая языческие идола субъективизма. Прошлое, что бы ни говорили об этом антикваристы, всегда покоряется настоящему, и вряд ли современные религиоведы, пользуясь понятием «религия», предполагают какое-либо порабощение Другого. И напротив, конструктивистская практика усмотрения в понятии «религия» определенной колониальной «сущности», несмотря на номиналистическую оптику, раскрывает себя как практика реалистически тоталитарная: либо «религия» с прилагающимся к ней теоретическим колониализмом (конструктивистами она обычно конструируется как нечто «единое», претендующее на «универсализм»), либо свобода голоса для угнетенных меньшинств. Вряд ли практика дисциплинирования общества через очищение языка может вести к желаемой свободе от диктата значений. В конечном счете пусть религиоведение появилось в колониальную эпоху и использовалось для колониальных нужд, но какая наука так или иначе не использовалась для этих нужд и/или не оправдывала прагматически свое существование перед лицом политического истеблишмента? Должны ли мы отвергнуть физику лишь потому, что была изобретена атомная бомба?

Программа критики религии, представленная в книге Сергея Штыркова, может быть рассмотрена как часть программы деконструкции западного субъекта, условного диктатора-европейца, способного лишь к господству и лишённого сочувствия, требующего от него теоретической жертвы. Но история Европы — это не только политическая история колониальных захватов, но и история культуры, в которой живут не только рабовладельцы, но и те, кто своим примером демонстрировал сочувствие и боролся за подлинные ценности человеческого духа. Ложно понятая свобода этого «духа», заключающаяся в политической критике любой теории как инструмента власти, приводит лишь к утрате той идентичности интеллектуала — посредника и переводчика, которая является результатом долгой и последовательно вызревавшей в недрах европейской культуры интеллектуальной традиции. Отказ от феномена религии говорит о нежелании проводить границу между собой и Другими, а также о нежелании принять противопоставление себя и Чужого как важное условие не только развития человеческой культуры, всегда конструирующей весьма конкретные образы антропологического «иного», но и религиоведения, всегда нуждавшегося для определения религии в том, что религией быть не может.

Пожалуй, наиболее интересная часть современных академических дискуссий, с которыми знакомит нас книга Сергея Штыркова, — это рассуждения о секулярном характере научной теории религии. Верно то, что секулярная идеология четко указала религии ее «место» в пространстве культуры, однако религиоведение прекрасно понимало (и понимает), что религия никогда не была склонна занимать положенное ей этой идеологией «место» — ни в пространстве «личного переживания», ни в сокровенном пространстве храма, ни в закрытом сообществе верующих. Социологи религии хорошо знают, насколько силен в религии миссионерский потенциал и насколько религия способна «пронизывать» ткань культуры и тотально охватывать все сферы человеческой жизни, предлагая верующим ответы на все возможные вопросы. В рамках давней полемики о секулярной идеологической нагруженности функционалистских определений религии критики подмечали игнорирование различий между феноменом религии и сходными с ней явлениями, к примеру национализмом, характерное для интеллектуальной традиции, восходящей к Дюркгейму [Berger 1974: 127–128]. Поэтому, когда в книге Сергея Штыркова встречаются обобщающие формулировки вроде «западного понятия религии, в котором последняя отделена и даже противопоставлена политике» (С. 146), остается лишь пожалеть плечами: возможно, в правовой сфере мы и видим нечто подобное, но правовая регламентация

границ в равной степени далека и от академических разметок, и от повседневности. Поэтому «ислам» (интересный историкам религиоведения в том числе и потому, что в конце XIX в. некоторые исследователи не считали его «религией») представляет собой вызов именно секулярной идеологии, а не науке, которая в здоровых ее проявлениях при помощи теории преодолевает полагаемые ей то тут, то там идеологические границы.

Одним из истоков конструктивизма в религиоведении, отчасти объясняющим его привлекательность, можно считать христианский мистицизм. Кальвинистский священник У.К. Смит и католический теолог У. Кавано в своих исследованиях стремятся показать, что подлинная религия кроется в глубине человеческого сердца и не может быть ясно определена на языке науки, который всегда теологически догматичен: для мистики нет различия между теологией и наукой, так как обе они в конечном счете объявляются антропологическими предприятиями по изобретению реальности. Эпиграф к книге Сергея Штыркова из стихотворения В. Пуханова удачно указывает на характерную для этой антитеологической критики веру в невыразимость религиозного опыта (С. 8).

Гагарин соврал лишь раз в жизни.

По возвращении из космоса

Первое, о чем спросили: видел ли он Бога?

Гагарин ответил «нет» и солгал.

Бога он видел и даже недолго с ним говорил.

Но зачем портить людям праздник?

Комкать событие исторического значения.

Его полет — труд всего народа, а Бога видел он один.

Его отношения с Богом, случайная встреча в невесомости —

Его личное дело, дело его совести.

Такая позиция относительно сущности религии приобрела респектабельность еще в XIX столетии благодаря Канту. Она лежит в основе критической оценки любой теоретической оптики, претендующей на объективность и универсализм. Смыкаясь с презумпцией Другого, она выводит «религию» за пределы научного рассмотрения, выбивая основание из-под религиоведческого проекта, побуждая нас к отказу от научного суждения и оставляя нас фактически наедине с теологией, которая единственная (в рамках соответствующей культурной традиции и на свойственном этой традиции языке) может дать более точный (применительно к ее историко-культурному контексту) ответ на вопрос о ее собственном понятии «религии» или, лучше сказать, о ее видении «нуминозного».

Отрицание существования универсальной «религии» — это прежде всего отрицание претензий разума. Корнем такого от-

рицания, как и всякого мистицизма, является субъективно понятный эмпиризм. Именно эмпиризм, утверждающий в качестве главного критерия истины личный опыт человека, оказывается удобным основанием для критики рациональных «моделей», предлагая в его крайних, но сейчас вполне популярных проявлениях отказаться от принципа компаративизма и ограничить претензии исследователя языком и культурой изучаемой традиции. Книга Сергея Штыркова хорошо показывает, как формирование первых моделей религии было связано с внедрением в исследования религии принципа эмпирического исследования и с сопряженной с ним верой во всеильность принципа индукции. Именно принцип индукции, обсуждению которого посвящали свои труды многие философы религии, оказывается тем эпистемологическим «слабым звеном», благодаря которому размыкается порочный с точки зрения критики круг систематизации научного знания и его последующей догматизации в рамках конкретной научной парадигмы. В отсутствие индукции и сравнения как легитимных познавательных процедур эмпиризм приводит к мистицизму, когда личный опыт исследователя объявляется единственным мерилom оценки полученных результатов, более того, мерилom недостаточным в сравнении с реальным опытом тех, кого он исследует. Защита Другого от объективации, безусловно, заслуживает похвалы, однако вряд ли должно жертвовать ради нее принципами объективной науки.

Стоит добавить, что «религия» как понятие вошла в интеллектуальную моду в век ее жесткого противопоставления «науке». Возможно, не будет преувеличением считать «религию» необходимым спутником науки, который последняя дисциплинирует и определяет ради конструирования собственной идентичности: классические натуралистические определения религии фиксируют характерные, хотя, возможно, и не уникальные, черты феномена религии, и они, безусловно, убедительнее (с точки зрения способов верификации результатов), нежели феноменологические отсылки к личному опыту духовных переживаний и лингвистические прозрения об относительности восприятия действительности. Хотя история, рассказанная Сергеем Штырковым, говорит о динамическом процессе консолидации и диссоциации «религии», постепенном обретении ею различимой, «плотной» формы, то возникающей вследствие ее «изобретения», то исчезающей, обычно под влиянием внешней политически заряженной среды, подлинная история, на мой взгляд, представляет собой скорее историю борьбы разных традиций истолкования феномена религии — теистической и натуралистической тенденций в религиоведении. Религиоведение оказывается не так уж радикально отрезанным от фило-

софии религии приверженностью «научным методам познания», как этого хотелось некоторым классикам религиоведения на рубеже XIX–XX вв., и, напротив, тесно связанным с ее онтологическим измерением [Рахманин 2020].

Хорошо демонстрируя слабости определений разных «религий», сконструированных в классический период истории религиоведения, книга Сергея Штыркова по прочтении оставляет читателя в некотором недоумении. С одной стороны, непонятно, почему история понятия «религия» заканчивается изобретением «религии» в XIX столетии, хотя, казалось бы, в XX в. религиоведение проделало большую работу по модернизации имеющегося концептуального аппарата. С другой стороны, заканчивая на деконструкции некоей «секулярной» парадигмы, создававшей «религию» и «религии» для собственных нужд, книга Сергея Штыркова не предлагает нам нового проекта «религии». Хотя открытый финал, так же как и утверждение относительности происходящего (к примеру, эффект Расёмона), являются характерными приемами современной художественной медиакультуры, все же читатель, купивший книгу о том или ином понятии, наверное, хотел бы надеяться на то, что в конце ему предложат прагматическое решение и видение интересующего его предмета. Получив же ответ на вопрос «Что такое религия?» на первой странице и убедившись к концу чтения, что этот ответ по меньшей мере сомнителен, читатель, возможно, и откажется от некоторых из своих иллюзий, однако так и не сможет прояснить для себя, что такое «религия» по существу. Уклонение от ответа ввиду его неминуемо догматически навязываемого характера, возможно, хорошая стратегия для мистического философа, но вряд ли критическая апофатика и большой знак вопроса в конце — желаемый итог для ученого. Впрочем, последнее замечание трудно считать недостатком книги: многие современные научно-популярные сочинения, написанные известными исследователями, посвящены развенчиванию стереотипов и ложных убеждений, и книга Сергея Штыркова, ставящая читателя в трудное положение и побуждающая его самостоятельно искать ответы на вопросы, не исключение. Наверное, это правильно: тот, кто не прошел через отрицание, вряд ли сможет приблизиться к истине и утвердиться в ней.

Книгу Сергея Штыркова благодаря ее обзорному характеру можно рекомендовать как хорошее введение в современную критику понятия «религия». Она выходит за границы научно-популярной литературы и могла бы послужить небольшим учебным пособием для студентов, обучающихся по направлению «религиоведение». Повторюсь, что стоило бы дополнить ее аргументами тех, кто на различных основаниях защищает «религию» и как феномен, и как понятие от актуальной онтологи-

ческой и идеологической критики [Schilbrack 2012]. Тем не менее сочинение Сергея Штыркова заполняет значимую для отечественного религиоведения историографическую лауну и, хотя и не представляет оригинального взгляда на классическую проблему определения религии, побуждает читателя к рефлексии о привычном терминологическом аппарате.

Библиография

- Аполлонов А.В.* О понятиях «религия» и «светское» в средневековой европейской традиции // Религиоведческие исследования. 2011. № 1–2 (5–6). С. 110–130.
- Рахманин А.Ю.* Священное и религия: определения, категории, концепты // Религиоведческие исследования. 2017. № 1 (15). С. 84–116. doi: 10.23761/rrs2017-15.84-116.
- Рахманин А.Ю.* Онтологические обязательства и критерии объективности в религиоведении: программы последних лет // Религиоведческие исследования. 2020. № 2 (22). С. 85–117. doi: 10.23761/rrs2020-22.85-117.
- Asad T.* Reading a Modern Classic: W.C. Smith's "The Meaning and End of Religion" // History of Religions. 2001. Vol. 40. No. 3. P. 205–222. doi: 10.1086/463633.
- Berger P.L.* Some Second Thoughts on Substantive versus Functional Definitions of Religion // Journal for the Scientific Study of Religion. 1974. Vol. 13. No. 2. P. 125–133. doi: 10.2307/1384374.
- Boghossian P.* Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism. Oxford: Clarendon Press, 2006. X+139 p. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199287185.001.0001.
- Schilbrack K.* Religions: Are There Any? // Journal of the American Academy of Religion. 2010. Vol. 78. No. 4. P. 1112–1138. doi: 10.2307/27919267.
- Schilbrack K.* The Social Construction of "Religion" and Its Limits: A Critical Reading of Timothy Fitzgerald // Method and Theory in the Study of Religion. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 97–117. doi: 10.1163/157006812X634872.

Владислав Раздьяконов

**A Review of Sergei Shtyrkov, *Religiya, ili Uzy blagochestiya*
[Religion: The Bonds of Piety]. St Petersburg:
European University at St Petersburg Press, 2021, 172 pp.
(Azbuka ponyatiy [ABC of Concepts])**

Vladislav Razdyakonov

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia
razdyakonov.vladislav@gmail.com

The book provides an overview of the modern academic discussion of the content and limits of the applicability of the concept of “religion”. The author demonstrates the historical features of the concept of “religion” in Antiquity, the Middle Ages, and Modernity. The book introduces the reader to modern critical theory of the concept of “religion” and illustrates its current consensus with various historical cases. The author pays attention to the problem of the genesis of the concepts of “religion” and “religions” within the framework of classical religious studies of the late 19th century. The review focuses on the axioms of modern constructivism, points out their importance for the recent debate on the limits and purpose of humanities-oriented knowledge, and offers a critique of the most radical constructivist assertions.

Keywords: religion, constructivism, anthropology, Christianity, theory of religion.

References

- Apollonov A. V., ‘O ponyatiyakh “religiya” i “svetskoe” v srednevekovoy evropeyskoy traditsii’ [The Concepts of “Religion” and “Secularity” in European Middle-Ages Tradition], *Religiovedcheskie issledovaniya*, 2011, no. 1–2 (5–6), pp. 110–130. (In Russian).
- Asad T., ‘Reading a Modern Classic: W. C. Smith’s “The Meaning and End of Religion”’, *History of Religions*, 2001, vol. 40, no. 3, pp. 205–222. doi: 10.1086/463633.
- Berger P. L., ‘Some Second Thoughts on Substantive versus Functional Definitions of Religion’, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1974, vol. 13, no. 2, pp. 125–133. doi: 10.2307/1384374.
- Boghossian P., *Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism*. Oxford: Clarendon Press, 2006, X+139 pp. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199287185.001.0001.
- Rakhmanin A., ‘Svyashchennoe i religiya: opredeleniya, kategorii, kontsepty’ [Religion and the Sacred: Definitions, Categories, and Concepts], *Religiovedcheskie issledovaniya*, 2017, no. 1 (15), pp. 84–116. doi: 10.23761/rrs2017-15.84-116. (In Russian).

- Rakhmanin A., 'Ontologicheskie obyazatelstva i kriterii obektivnosti v religiovedenii: programmy poslednikh let' [Ontological Commitment and Criteria of Objectivity in the Study of Religion: Recent Projects], *Religiovedcheskie issledovaniya*, 2020, no. 2 (22), pp. 85–117. doi: 10.23761/rrs2020–22.85–117. (In Russian).
- Schilbrack K., 'Religions: Are There Any?', *Journal of the American Academy of Religion*, 2010, vol. 78, no. 4, pp. 1112–1138. doi: 10.2307/27919267.
- Schilbrack K., 'The Social Construction of "Religion" and Its Limits: A Critical Reading of Timothy Fitzgerald', *Method and Theory in the Study of Religion*, 2012, vol. 24, no. 2, pp. 97–117. doi: 10.1163/157006812X634872.